

Гадаев Виктор. Край отшумевших ярмарок, базаров... : быль и новь села Новотроицкое / В.А. Гадаев, В.В. Руженков, В.И. Рогачев (ред-коллегия: В.М. Курков и др.). — 3-е изд., перераб. и доп. — Саранск. 2025. — 460 с.

ВНЯТЬ СЛОВАМ Н.В. Гоголя "Нужно проездиться по России" и проездиться-таки не всегда получается. Но узнать страну можно по телепередачам, по рассказам друзей, уже проездившихся. Можно узнать Россию, даже самые отдалённые от тебя уголки, по книгам.

Истории, мотивы появления на свет того или иного издания разные. Кто-то через художественное слово выражает себя, воплощает фантазии, увековечивает явления. Исследова-

Церковь святого Равноапостольного князя Владимира в селе Новотроицкое Старошайговского района Республики Мордовия

ПУТЕШЕСТВИЕ В РОССИЮ

тели делятся результатами своих трудов, кто-то хочет поделиться историей своей семьи. А кто-то описывает житей своего города, края. И этим — расширяет наши познания, позволяя заглянуть через страницы книги в те уголки, до которых не всякая птица долетит, не всякая телега доедет.

Книга "Край отшумевших ярмарок, базаров... Быль и новь села Новотроицкое" — это повествование о селе в Мордовии, ведущем свою историю со второй половины XVII века. Авторы признаются: "Необходимость издания книги была продиктована и стремлением увековечить в сознании молодого

поколения память о замечательных людях, чьим трудом и воинской доблестью защищалась и поднималась из руин великая Россия". В книге приведена хронология сельских событий, описаны судьбы живших, живущих людей, приведены рассказы о предпринятиях, действующих в селе. Авторы много и скрупулёзно работали с архивами, как федеральными, так и местными, опирались в своей работе на публикации в прессе и исследования краеведов. Они сочетают в себе дотошность статистиков, привода таблицы прироста населения, продолжительности жизни, роста производственно-экономических показателей, урожайности зерновых культур, и в то же время душевную лиричность в описании жителей села и происходивших событий. Приводят хронограф села, фиксирующий все значимые события, например, 1721 год — построена первая церковь, 1912 год — в селе открыта земская больница, 1961 год — началась электрификация села, 2016 год — создание ООО "Агрохолдинг "Новотроицкий".

Незамысловатое, казалось бы, начало повествования захватывает. И сам не замечаешь, что уже не можешь оторваться, знакомясь с краем: "Село Новотроицкое располагается на правом берегу реки Руднянки в 32 км от столицы Республики Мордовия Саранска. Располагаясь на скрещении торговых путей в 150 верстах к северу от бывшего губернского центра Пензы и в 65 верстах от уездного города Инсара, оно занимало выгодное экономическое положение как ярмарочный и базарный центр". И понимаешь, что тебя увлекает сам ритм письма — словно сказка сказывается, вкрапление забытых ныне слов — уездный, верста...

Книга разделена на главы: "Историческо-культурное развитие села Новотроицкое", "Социально-экономическое развитие села", "Храм наук", "Война народная", "Думы — магнит земли"... Главы поделены на разделы: "Связь", "Медицина", "Население".

Отдельные статьи посвящены простым жителям села. "Дмитрий Васильевич Драгунов. Родился в 1921 году. Участник Великой Отечественной войны. Награждён медалью Жукова, медалью "За Победу над Германией" и др. Ремеслу портного учился у отца Василия Никифоровича. Шил шубы, костюмы, брюки, фуражки... Прожил 85 лет". "Дед Василий. Мой дед по матери Василий Никифорович, знаменитый на всю округу портной. Высокий. Крепкий, русоволосый. С прокуренными тёмно-рыжеватыми уса-

ми. В своём деле мастак и в жизни смекалистый... Человек легендарный. Как-никак участник Первой мировой войны. Много он говорил о России, о том, какая она огромная и могучая. Если кто нападёт — шапками каждаем. Вон как силен был немец, и то одолели его. Россия никогда ни под кем не была. Однажды я напомнил деду о татаро-монгольском нашествии. А он в недоумении: "Не может быть! Когда это было?" "Шестьсот лет назад", — говорю. А он: "Не верю". Университетов он не окончил. Много он не знал из далёкой истории. Но он был полон любви к России и горд, что принадлежит к могучему народу".

В коротких лаконичных строках — судьба человека, героизм и скромная жизнь труженика. Едва ли не каждому сельчанину посвящено жизнеописание или упоминание. Кто где трудился, чем отличился, какой вклад в общее дело внёс.

Много фотографий, в том числе редких — 1920-х годов: "Крестьянин отбивает косу", "Косцы на отдыхе", "Обмолот хлебов", "Женщина с ребёнком в поле". А какие прекрасные лица у детей и учителей на школьных групповых фотографиях 1950–1980-х годов! Чистота, трогательность, осмысленность во взгляде, зрелость даже у младших советских школьников.

Здесь и фотографии трудовых коллективов, награждения ветеранов, посещение руководителями республики, депутатами Госдумы села. Выезд в поля, чествование победителей соревнований.

В ЭТОМ СЕЛЕ в 2019 году довелось побывать и мне. Я сопровождала Александра Проханова, когда он работал над циклом фильмов "В поисках Русской Мечты", посетив Мордовию, изумившую меня ухоженностью, сочетанием современности, авангарда и традиционного уклада. В хронологии и фотогалерее села посещение Александра Андреевича нашло отражение. Трудно передать то тепло, с каким сельчане, генеральный директор агрохолдинга "Новотроицкий" В.В. Руженков встречали писателя, каким вниманием окружили, рассказывали, как возрождалось село, пережившее, как и вся страна, упадок 1990-х, когда молодёжь, лишённая работы, будущего, покидала родные края. Как начинали строить жильё, создавать рабочие места, организовывать досуг... Угощали хозяева такими местными блюдами, такой продукцией, что ни в одном московском ресторане не подадут.

Ныне получил развитие внутренний туризм. Один из прекрасных маршрутов на этом пути — Мордовия. Побывав в столице ли республики Саранске, в сельской ли глубинке — селе Новотроицкое, вы увидите Россию, которую мы, слава Богу, не потеряли.

Анна СЕРАФИМОВА

ОТБЛЕСК ЭПОХИ

Штыкало Фёдор. Школа СССР. Исповедь заместителя министра : повести, рассказы, стихи, афоризмы, рисунки. — М. : Буки Веди, 2025. — 436 с.

СОВЕТСКАЯ власть, у истоков которой стоял Владимир Ильич Ленин, осуществила многие его планы и воплотила заветы. В частности, товарищ Ленин в статье "Удержат ли большевики государственную власть?" признавался: "Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством".

Это та самая фраза о кухарке и государстве, извращённая ненавистниками и Владимира Ильича, и советской власти. Но далее он настаивал: "Но мы... требуем немедленного разрыва с тем предрассудком, под управлением государством, нести будничную, ежедневную работу управления в состоянии только богатые или из богатых семей взятые чиновники. Мы требуем, чтобы обучение делу государственного управления велось сознательными рабочими и солдатами, и чтобы начато было оно немедленно, то есть к обучению этому немедленно начали привлекать всех трудящихся, всю бедноту".

Ярким примером воплощения наказа Владимира Ильича является судьба Фёдора Ефремовича Штыкало: сын крестьян из украинского села стал заместителем министра просвещения страны. Его судьба — это те самые "этапы большого пути", о которых снимали фильмы, слагли песни. Большого по времени, большого по событиям, которые эпохальны не только для отдельного человека или даже страны, но и для мира.

"Родился на Советской Украине в 1927 году. В годы Великой Отечественной войны находился в эвакуации в Сталинградской области. Подростком работал ездовым, подмастерьем в колхозной кузнице, на других работах. В августе 1943 года после гибели брата на Курской дуге ушёл на фронт. Был сыном полка. С марта 1944 года — слесарь-инструментальщик совхозной мастерской. Заведующий сельским клубом. Воспитатель спецдетдома. 1950–1954 годы — студент Мелитопольского госпединститута, сталинский стипендиат. 1954–1961 годы — директор Новосёлковской СШ. С 1961 по 1971 год — заведующий Областным отделом народного образования Крымской области. 1971–1988 годы — заместитель министра просвещения СССР".

Жанр книги трудно определить. Это воспоминания и художественная проза, стихи, это философские размышления и альбом рисунков. Сам автор назвал свой труд исповедью. То есть откровенно о сокровенном. Фёдор Ефремович начинает своё повествование с военных лет: какое было настроение в обществе, как работали, как готовились к эвакуации, как эвакуация проходила... Как, узнав о гибели брата на войне, подросток бежал на фронт, стал сыном полка. Какое было отношение у взрослых к детям, оказавшимся в боевых условиях. Как досрочно, по ранению, закончил свой боевой путь. Как вернулся домой — и снова работа.

Говоря о себе, казалось бы, о личной жизни, автор описывает не столько себя, сколько даёт представление о стране, граж-

данах. Тогда были не только героизм и трудолюбие, готовность работать, гордясь, что "мой труд вливается в труд моей республики". В книге — жизнь без прикрас. И взгляд на общество "на просвет", и ода ему.

ЗНАКОМСТВО с книгой, как правило, начинаешь с оглавления и решаешь, хочешь ли ты её прочитать, приобresti. Оглавление "Исповеди" увлекает как тайна, которую раскрывают перед тобой здесь и сейчас. Одна из глав так и называется — "Тайная комната". Все названия — предельно конкретны, например, "Дороги", "Призыв", "Снова эвакуация", "Кузница", "Моя досрочная служба на войне", "Заведующий клубом", "Мелитополь. Спецдетдом", "Пединститут", "Смерть Сталина", "Учусь учить и воспитывать", "Моё видение Хрущёва", "Мои воспоминания о Брежнев", "Встреча и разговор с В.М. Молотовым", "Встреча с Э. Хонеккером". Каждая из глав "Исповеди" самостоятельна, но при этом связана с другими частями книги, дополняет их.

Для современного человека слово "сенокос" — это уже архаика, как и само действие. Фёдор Штыкало в главе "Сенокос" не просто описывает, как идут косари, как делают замачи... Он раскрывает особенности заготовки сена в колхозе в военное время, когда на работах задействованы и стар и млад. Практически одни женщины. "Нашим забальщицам и косарям-девицам было по 10, 14, 18, 20 лет. Все девушки, помню, были в ситцевых платьях, без всякой нижней одежды. И этот натуральный ситец постоянно обрамлял торчащую грудь и всю фигуру молодых донских казачек. У каждой были заплетены косы до пояса, некоторые закрывали косу на голове. Они все были так красивы, как цветочки на их ситцевых платьях, и каждая из них была особенным цветком. Это было так красиво, что мне, подростку, хотелось их нарисовать".

Несколько строк. В них — и суровые будни тыла: на тяжёлой работе заняты и девочки 10 лет, и лирическое, восторженное восприятие красоты, и откровение, как рождается вдохновение, — хочется нарисовать этих красавиц с их особенной красотой.

В книге немало рисунков автора, его картин. Никакая полиграфия не передаст прелести оригиналов, которые мне довелось увидеть. Работы Фёдора Ефремовича отличаются от работ профессиональных художников подкупающей естественностью. Это бытие без ретуши и распространённого ныне фотощопа.

Среди людей, самопровозгласивших себя демократами, я не встречала ни одного демократа. А вот среди настоящих коммунистов — демократы все. То есть воспринимают людей независимо от статуса и финансового положения равными, оценивают человека по личным качествам. Фёдор Штыкало — тот самый истинный демократ: он пишет и о рядовом колхознике, и о кузнице, и о руководителе отрасли или государства с одинаковым уважением, а ты с одинаковым интересом читаешь о них.

У нас есть легендарная серия "Жизнь замечательных людей" (ЖЗЛ). Но у нас много книг, которые могут составить серию "Из жизни замечательных людей". И одной из таких книг является "Школа СССР. Исповедь заместителя министра".

Екатерина ГЛУШИК

Можегов Владимир. Бомба под христианский мир. — М. : Традиция, 2025. — 496 с.

КАЖЕТСЯ, до недавнего времени в библиотеке Русского Национального Возрождения царил полный порядок. Все книги — по шкафам и полочкам! С бирочками! На каждой бирочке — и автор, и название, и степень социальной полезности (или, наоборот, бесполезности). Что нужно — спроси у библиотекаря, он и с завязанными глазами наощупь и нашарит и... предоставит. На любую тему! Включая надписи на бирочках, и токсичные, и откровенно опасные типа "механизмы социальных революций", "богоизбранный народ", "Христос и Антихрист", "истинная роль тайных обществ в мировой истории", "церковный раскол и кризис христианского мира" и т.д.

А потом в эту библиотеку ли ввалились, то ли десантировался питерский историк и философ Владимир Можегов. Молодой и дерзкий! С охапкой собственных трудов. Одни шкафчики при этом Можегов качнул основательно, другие — опрокинул вовсе. Может быть, по неловкости, может быть, с умыслом, может быть, по причине... обидчивой справедливости. Потому как книги эти, похоже, давно всеми, кому надо, прочитаны и все споры по поводу их содержания уже отшумели. Короче, попадали старые книжечки, а иные и просто куда-то делись (кстати, по факту их пропажи никто и не горевал). Вот на свободные места на полочках новый автор свои труды и взгромоздил. А в этих новых книгах всё совсем по-другому, совсем по-новому. И не на основании авторских амбициозных деклараций, а по результатам серьёзного анализа источников, в том числе и малоизвестных, в том числе и зарубежных, на русском языке ранее не издававшихся.

Типичный и самый лучший пример творческих изысканий Владимира Можегова — только что вышедшая в издательстве "Традиция" книга "Бомба под христианский мир". Работа серьёзная и смелая. Даже слишком серьёзная, слишком смелая! Уже в самом начале книги автор напоминает и подчёркивает, что историки и философы Нового времени, начиная с просветителей, интерпретировали историю в безусловно прогрессистском духе: сегодня лучше, чем вчера, завтра будет лучше, чем сегодня. Проходило! Прокатывало! Владимир Можегов фиксирует, что грянувшее время постмодерна, почти покончив с прогрессистскими иллюзиями, заговорило, сбиваясь и путаясь, то о "конце истории", то о столкновении цивилизаций", одновременно "нагоняя жути" на обывателя различными версиями антиутопий. Однако, начиная смутно догадываться, что просветители, обещавшие светлое завтра, его, обывателя, попросту обманули, человек постмодерна не может уже вернуться к картинам священной истории Средних веков: он слишком много узнал, слишком многое понял и, главное, почти во всём разуверился. Современный совестный историк, если он хочет вернуть истории смысл, должен видеть отражение священной истории в зеркале истории политической, услышать биение её сердца в эмпирических тка-

нях истории мировой. Именно такой подход и демонстрирует на протяжении всей своей книги Владимир Можегов. По сути, он предлагает посмотреть на историю как на столкновение двух глобальных мессианских проектов, которые очень условно можно называть христианским и антихристианским. Задача масштабная и очень ответственная. Кажется, автор с ней с честью справился.

ПЕРЕСКАЗЫВАТЬ содержание книги "Бомба под христианский мир" — дело зрешное, рискованное. Наверняка что-то напутаешь, и автора обидишь, и читателя с толку собьёшь, тем не менее...

Автор набрался мужества и серьёзных аргументов, чтобы размышлять на темы трудные и неблагодарные. Например, почему некогда "богоизбранный народ" становится врагом Бога и распинает своего Мессию? Как борьба двух сил (Христа и Антихриста) определяет направление и ритм исторического процесса? Какова истинная разница между восточной и западной богословской мыслью? Почему кальвинизм явился лишь ростком иудаизма, выросшим на христианской почве? И не только размышлять, "витийствовать", но и делать выводы. Неожиданные и очень нужные в нынешнее очень непростое для Отечества время, когда стало пронзительно ясно, что старая официальная идеология не просто стара, но

княжеский двор (в ересь была совращена невестка великого князя Елена) и принял характер откровенного государственного заговора.

Штаб заговора возглавил приближённый Ивана Третьего думный дяк (по сути, министр иностранных дел) Фёдор Курицын. В 1490 году партия Курицына пролоббировала утверждение митрополитом Московским своего человека — игумена Симонова монастыря Зосиму. Складывалась прямая угроза государственной безопасности Московского царства. В начале 1488 года грянули запоздалые, но столь необходимые меры: новгородские власти начали распутывать клубок заговора. Однако масштабы, которые успела приобresti ересь в русском государстве, заставили слишком многих умерить свой пыл в спасении государственно-сти и даже просто прикусить язык. Если бы не истовый хранитель православной веры инициативный и властный игумен подмосковного монастыря Иосиф Волоцкий, возглавивший борьбу с ересью, дело скорее всего ограничилось бы лишь изобличением новгородцев. Соответственно, партия жидовствующих тихой сапой непременно воцарилась бы в Кремле. Как бы это отразилось на политике Московского царства, куда бы после этого двинулась Русь, предствить несложно. Самое время вспомнить, что тогдаш-

российской истории категории. Однако автор не спешит пичкать читателя прямыми параллелями с современностью, представляя возможность мыслящему соотечественнику самому думать и сопоставлять... Показательно, что несколько глав книги "Бомба под христианский мир" автор посвящает... эпидемиям. Владимир Можегов напоминает и об описанной в Библии филистимлянской чуме, и о свирепствовавшей на территории Римской империи в VI веке Юстиниановой чуме, и о массовых эпидемиях в средневековой Европе. Разумеется, занимает его не медицинский аспект этой темы. Исследователя интересуют прежде всего, как политические и религиозные силы использовали эпидемии в борьбе за власть, как формировался инструмент массового психоза, как эпидемии в недобрых руках становились страшным оружием уничтожения традиционных скреп общества, его силы, веры и сплочённости. И опять — никаких навязчивых аналогов с недавними событиями, никаких "ковидных" параллелей. Думай, читатель, сам! Сравнивай! И задавайся вечно опасными вопросами "Кто виноват?" и "Что делать?".

Немало смелых и неожиданных характеристик читатель обнаружит и в главах, посвящённых Пьеру Абелюру, Джордано Бруно, Мартину Лютеру, Христофору Колумбу, Томмазо Кампанелле и многим другим знакомым фигурам мировой истории. Кажется, об этих людях мы знаем уже всё если не со школьной скамьи, так со студенческих времён. Но так только кажется... Книга Можегова не оставляет от прежних оценок камня на камне. И вовсе не за счёт "оголтелого ниспровергательства" и "голого критиканства". Просто автор находит новые источники для оценки уже знакомых личностей, а прежние, уже известные, — более тщательно анализирует, используя собственные приёмы работы с фактами и документами. И... Опять предлагает читателю думать самостоятельно.

УЖ ТАК СЛУЧИЛОСЬ, что "Бомбу под христианский мир" довелось прочитать дважды. Первый раз — в виде электронной рукописи. Второй — в виде полноценного бумажного варианта. И всякий раз при всей "правильности содержания" книга оставляла впечатление не столько законченного труда, сколько жёсткого сжатого конспекта, каждый абзац которого вполне заслуживал разворачивания в отдельную главу, а то и в самостоятельную монографию. Было дело, "конспективную" особенность изложения хотелось отнести даже к минусам издания и откровенным недоработкам автора. Однако прошло совсем немного времени, и всё встало на свои места. Стало ясно, что автор — просто мудр, рационален и очень уважает своего читателя: не унижает его слишком измельчанными и разжёванными, занимающими много места мыслями, а представляет ему заготовки, тезисы, конспекты. Для грядущей самостоятельной работы ума и души. Короче, даёт материал для будущих серьёзных и масштабных выводов. Возможно, даже для грядущих манифестов. Разумеется, если этот читатель из категории деятельных борцов, которых ныне так не хватает нашему воюющему, побеждающему, но пока ещё не победившему Отечеству.

Борис ЗЕМЦОВ